

Инь Цзючу, приведя себя в порядок с помощью служанки, направился в зал для совещаний. Управляющий Инь подал ему счётную книгу и несколько списков подарков для ознакомления. Просматривая плотные строки, он увидел лишь золотые веера, нефритовые шпильки и разноцветные шёлковые ткани. Свадьба должна была быть пышной, так как речь шла о знатной семье, но Инь Цзючу был совершенно не в настроении заниматься подготовкой, и это лишь усиливало его раздражение.

Он никогда не думал о том, чтобы уехать с Сяо Чжоухэном куда-то далеко или возвыситься, но женитьба была тем, о чём он никогда не задумывался. Однако только брак с незнакомой девушкой мог спасти семью Инь. Вскоре после того, как Сяо Чжоухэн уехал в столицу, Инь Цзючу узнал, что его отец каким-то образом навлёк на себя гнев сторонников князя Му, Тань Чжао. Их семья занималась лишь торговлей, как они могли связаться с царскими родственниками? Как бы он ни пытался выяснить, отец отказывался говорить, лишь указав на один выход: богатый купец из Янчжоу был близок с князем Му, Тань Чжао, и если бы состоялась свадьба, это спасло бы семью Инь. Кроме того, дочь купца восхищалась талантами Инь Цзючу и согласилась бы на брак.

Он согласился, но не ожидал, что Сяо Чжоухэн, услышав об этом, тут же вернётся в Цзиньлин, чтобы спросить его, почему.

Да, почему.

Да, почему он женится.

Все говорили, что Инь Цзючу, Хаодянь Луаньпяо, был мастером живописи, но никто не знал, что его настоящей гордостью и даже страхом была его феноменальная память — каждое слово, сказанное тем человеком, звучало в его ушах, и всё, что они пережили вместе, разворачивалось в маленьком домике, который он построил для него в своём сердце, день за днём.

Это был первый раз, когда Инь Цзючу увидел, как Сяо Чжоухэн плачет. Он не плакал, когда спал на кладбище среди костей, не плакал, когда его обижали и били соседи в детстве, не плакал, когда из-за ночных бдений у него заболела спина.

Но, услышав о предстоящей свадьбе, он стоял у ворот его дома, и слёзы текли без остановки, его голос был прерывистым и далёким:

— Мы обещали друг другу не нарушать весенний союз, красные утра и зелёные вечера, но теперь я понимаю, что был самонадеян и переоценил себя.

В тот момент Инь Цзючу хотел сказать ему, что их сердца едины, и это не пустая мечта.

Но он не сказал.

Управляющий Инь, видя, что Инь Цзючу задумался, решил, что он всё ещё под воздействием вчерашнего вина, и напомнил:

— Молодой господин, вот вещь, которую вчера кто-то попросил вас лично отправить. Она кажется весьма ценной, проверьте её, и если всё в порядке, то пожалуйста, отправьте.

Сказав это, управляющий Инь поклонился и вышел.

Обычно такие отправления доверяли почтовым станциям, но если дело касалось произведений

искусства, то их проверяли перед отправкой, чтобы избежать повреждений в пути.

Инь Цзючу кивнул и открыл свёрток.

Обычно этим занимался управляющий Инь, но кто-то лично попросил его проверить, и Инь Цзючу заинтересовался, что же это за ценная вещь.

Размышляя об этом, он заметил скрытую щель под фарфором и, инстинктивно проверив её пальцем, обнаружил, что там, похоже, лежало письмо. Достав его, он нахмурился. Прочитав несколько слов и внимательно осмотрев фарфоровую вазу, он вдруг воскликнул:

— Управляющий Инь, кто принёс это вчера?

...

Сяо Чжоухэн ждал, но Ли Чжуннань всё не выходил. Он беспокоился о рукописях, так как из-за различных дел в этом месяце он уже отстал от графика, и боялся, что заказчики из Чжуцзоцзюй будут недовольны. Тогда он нашёл служанку и попросил передать Ли Чжуннаню, что уходит первым.

Пройдя несколько шагов по коридору, он столкнулся с Ли Юньгуаном, который неожиданно появился перед ним с картиной, которую он только что закончил для Ли Чжуюэ. К сожалению, чернила ещё не высохли, и, держа её в руках, Ли Юньгуан уже испортил её. Он гневно крикнул:

— Ты, мерзавец, что ты здесь делаешь?

— Тринадцатый молодой господин, — Сяо Чжоухэн, не понимая, что происходит, всё же поклонился.

— Где ты был прошлой ночью?

Сяо Чжоухэн опешил, не зная, что ответить, но заметил за спиной Ли Юньгуана Ли Чжуюэ. Увидев, что Сяо Чжоухэн смотрит на неё, Ли Юньгуан закричал ещё громче, его лицо покраснело от гнева:

— Бесстыдник!

Услышав это, Ли Чжуюэ заплакала. Ли Юньгуан, видя слёзы своей сестры, повернулся к Сяо Чжоухэну и холодно сказал:

— Ты ещё и учитель?

Затем он швырнул пачку писем в лицо Сяо Чжоухэна.

— Не только пишешь похабные стихи, но и пытаешься силой овладеть моей сестрой. Ты хуже животного.

Сяо Чжоухэн посмотрел на бумаги, исписанные непристойными словами, но они выглядели как наспех собранные фразы.

— Госпожа Чжуюэ, это не... — начал он, но Ли Чжуюэ, с испуганным взглядом, отшатнулась за спину брата, что ещё больше разозлило Ли Юньгуана.

— Ты прошлой ночью напал на мою сестру, и теперь пытаешься оправдаться?

— Прошлой ночью я видел, как из комнаты шестнадцатой сестры вышел какой-то человек. Я подумал, что это кто-то другой, но сегодня, спросив сестру, узнал, что это был ты. — Глаза Ли Юньгуана горели гневом. — Сестра, чтобы сохранить лицо, не сказала мне, что это был ты, но ты продолжаешь преследовать её.

Сяо Чжоухэн почувствовал холод в груди. Теперь он не мог оправдаться, и надеялся, что Ли Чжуннань, получив сообщение от служанки, придёт и спасёт его. В конце концов, Ли Юньгуан должен был уважать своего старшего брата.

Но он не дождался.

— Что говорит закон нашего государства? — Ли Юньгуан, видя бледное лицо Сяо Чжоухэна, решил, что тот виноват, и почувствовал себя обязанным защитить честь своей сестры. — Разве не восемьдесят ударов палкой и пятнадцать ударов по спине?

Ли Чжуюэ тихо кивнула, её лицо было залито слезами. Два охранника схватили Сяо Чжоухэна и потащили вглубь резиденции Ли. Резиденция была огромной, и, пройдя в страхе и ужасе неизвестное расстояние, они оказались в одном из внутренних дворов. Ли Юньгуан нашёл нескольких стражников и окружил двор.

Сяо Чжоухэн не успел опомниться, как палка обрушилась на него, вызвав головокружение. Он потерял равновесие, и несколько крепких мужчин сняли с него верхнюю одежду, а затем сорвали повязку, которую Ли Чжуннань недавно наложил.

Ли Юньгуан мягко сказал сестре:

— Чжуюэ, иди домой. Брат разберётся с этим.

Ли Чжуюэ, со слезами на глазах, поклонилась:

— Спасибо, тринадцатый брат, за то, что защитил меня.

Один из слуг принёс лакированную скамью, другой грубо схватил руки Сяо Чжоухэна и прижал их к скамье, а третий держал его ноги. Когда удары палки начали обрушиваться на спину Сяо Чжоухэна, он понял, что только боль, пронзающая до костей, была реальной. Каждый удар разрывал его внутренности, он не мог даже закричать. Раны накладывались на раны, и Сяо Чжоухэн, не отличавшийся крепким здоровьем, чувствовал, как боль проникает в каждую кость, словно его разрывают на части.

Когда он выдержал десять ударов, его зрение помутнело, в ушах звенело, а окружающие, видя, что он вот-вот потеряет сознание, обратились к Ли Юньгуану:

— Господин, кажется, он сейчас умрёт.

— Нельзя позволить этому мерзавцу продолжать вредить людям, — сказал Ли Юньгуан, протягивая руку к Хун Таньмэю, стоявшему вдалеке. — Принеси ножницы.

— Молодой господин! — Хун Таньмэй, похоже, понял, что задумал Ли Юньгуан, и его колени задрожали. — Пожалуйста, подумайте!

— Думать не о чем. Я твой господин, или он? Я слышал, что этот парень хотел жениться на

княжне. Если он так хочет попасть во дворец, то я сделаю ему одолжение и превращу его в евнуха. Разве не прекрасно? — Ли Юньгуан зловеще усмехнулся. — Иди и принеси, не спорь.

Хун Таньмэй содрогнулся, но не стал больше возражать, с жалостью взглянув на распухшую и покрасневшую спину Сяо Чжоухэна, и пошёл за ножницами.

Ли Юньгуан шаг за шагом приближался, а боль снова накрывала Сяо Чжоухэна волнами.

<http://bllate.org/book/16134/1444560>